

МИТ

HUDSON HILL

• EST. 1890 •

Он видит во мне
лишь удобную мишень.
Я вижу в нем —
правду, спрятанную
за высокими стенами.

ВЗГЛЯНИ НА МЕНЯ *с другой стороны*

Полина Мит

Взгляни на меня с другой стороны

<https://litres.ru/74239863>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сложно оставаться человеком, когда весь мир смотрит на тебя с восхищением. Но еще сложнее — не ослепнуть от этого блеска.

За высокими стенами элитного университета Хадсон Хай Даниэль Шелтон был лишь удобной мишенью для жестоких игр золотой молодежи. Он привык прятать настоящую правду о себе, пока в его жизни не появилась Кайлин. Она единственная разглядела под маской изгоя человека и шаг за шагом помогала ему стать сильнее.

Благодаря ей Даниэль получил всё, о чем грезил: статус, друзей и внимание девушки, о которой он грезил. Но взлетев на самый верх, он совершил роковую ошибку — обменял искренность Кайлин на фальшивые аплодисменты толпы и сам стал её главным кошмаром. Предательство обернулось триумфом, который оказался красив лишь со стороны.

Сможет ли Даниэль искупить вину и заставить ту, чье сердце растоптал ради чужого одобрения, снова взглянуть на себя с другой стороны?

Полина Мит

Взгляни на меня с другой стороны

За высокими стенами элитного университета Хадсон Хай Дэниса Шелтон был лишь удобной мишенью для жестоких игр золотой молодежи. Пока Кайлин не разгадала под маской изгой человека.

Благодаря ей он получил всё, о чем грешил. Но, взлетев на самый верх, Дэниса совершил роковую ошибку — променял искренность Кайлин на фальшивые аплодисменты толпы и стал её главным кошмаром. Предательство обернулось триумфом, который оказался красив лишь со стороны.

СМОЖЕТ ЛИ ДЭНИСА ИСКУПИТЬ ВИНУ И ЗАСТАВИТЬ ТУ, ЧЬЕ СЕРДЦЕ РАСТОПЛАЛ РАДИ ЧУЖОГО ОДОБРЕНИЯ, СНОВА ВЗГЛЯНУТЬ НА СЕБЯ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ?

Полина Мит

МИТ

ВЗГЛЯНИ НА МЕНЯ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

МИТ

Он видит во мне лишь удобную мишень. Я вижу в нем — правду, спрятанную за высокими стенами.

ВЗГЛЯНИ НА МЕНЯ

с другой стороны

ВЗГЛЯНИ НА МЕНЯ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

МИТ

ВЗГЛЯНИ НА МЕНЯ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

— роман —

2026

АННОТАЦИЯ

Сложно оставаться человеком, когда весь мир смотрит на тебя с восхищением. Но еще сложнее — не ослепнуть от этого блеска.

За высокими стенами элитного университета Хадсон Хай Даниэль Шелтон был лишь удобной мишенью для жестоких игр золотой молодежи. Он привык прятать настоящую правду о себе, пока в его жизни не появилась Кайлин. Она единственная разглядела под маской изгоя человека и шаг за шагом помогала ему стать сильнее.

Благодаря ей Даниэль получил всё, о чем грезил: статус, друзей и внимание девушки, о которой он грезил. Но взлетев на самый верх, он совершил роковую ошибку — обменял искренность Кайлин на фальшивые аплодисменты толпы и сам стал её главным кошмаром. Предательство обернулось триумфом, который оказался красив лишь со стороны.

Сможет ли Даниэль искупить вину и заставить ту, чье сердце растоптал ради чужого одобрения, снова взглянуть на себя с другой стороны?

ОТ АВТОРА

Эту книгу посвящаю своей близкой подруге — человеку, с которого началась моя любовь к писательству: от самого первого фанфика до этой истории, написанной по её заявке. Я написала её о том, как легко потерять себя, пытаюсь заслужить чужое одобрение, и как важно вовремя остановиться. Пожалуйста, прежде чем пытаться понравиться всему миру, убедитесь, что вы не перестали нравиться самим себе.

A handwritten signature in black ink that reads "Taina Mui". The signature is fluid and cursive, with a long horizontal stroke extending from the end of the name.

ДАНИЭЛЬ

Середина сентября в Хадсон-Хилле всегда выглядела одинаково: серое небо над кирпичными корпусами, мокрые дорожки между общежитиями и студенты, которые уже успели устать от первого семестра, хотя с его начала прошло всего три недели.

Мне нравилась эта предсказуемость. В ней было что-то спокойное. Когда каждый день похож на предыдущий, хотя бы знаешь, к чему готовиться.

Я застегнул белую рубашку до самого горла, поправил черный галстук и натянул бежевый жилет в клетку. Коричневые брюки были выглажены еще с вечера.

Я всегда готовил одежду заранее, как будто аккуратные складки могли защитить меня от чужих взглядов. Потом надел очки в темной оправе и щедро пригладил волосы гелем, заставляя кудри исчезнуть под блестящей коркой.

В зеркале стоял привычный Даниэль Шелтон — восемнадцатилетний первокурсник факультета международных отношений, лучший студент потока и самый удобный объект для насмешек во всем частном университете Хадсон-Хилл.

Мама произносила мое имя мягко, словно в нем не было ничего постыдного. Для остальных я давно стал просто Шелтоном — тем самым, о котором предупреждали заранее.

Отец обычно ограничивался коротким «сын». И то лишь тогда, когда вообще вспоминал позвонить.

Я отвернулся от зеркала и открыл мини-холодильник. На верхней полке лежал вчерашний омлет, рядом стоял почти пустой пакет молока. Тома в комнате уже не было.

Мой сосед всегда исчезал раньше, чем я просыпался, и возвращался поздно вечером. Иногда мне казалось, что он специально выстраивает расписание так, чтобы мы пересекались как можно реже.

Потом я вспоминал, что у него тренировки, подработка в библиотеке и десятки знакомых, и понимал: дело не обязательно во мне.

Хотя чаще всего дело все-таки было во мне.

На тумбочке рядом с кроватью лежали ключи от машины. Черный Range Rover, подаренный отцом на восемнадцатилетие, уже вторую неделю стоял на охраняемой парковке возле дома матери.

В первый день учебы я приехал на нем в кампус, а вечером обнаружил на двери длинную царапину и слово «папенькин», выведенное маркером на лобовом стекле. Маркер удалось смыть, царапину — нет.

После этого я предпочитал ходить пешком. Десять минут на свежем воздухе и гораздо меньше причин для окружающих вспоминать, что у ботаника Шелтона есть дорогая машина.

Я быстро позавтракал, помыл тарелку в общей кухне и вышел из общежития. Дождь почти закончился, но ветер бросал в лицо мелкие холодные капли.

Я шел, прижимая к боку портфель, и мысленно повторял тезисы для семинара по философии. Сегодня профессор Симмонс должен был спрашивать о зарождении рационального мышления, и я собирался ответить первым, даже если он не вызовет меня.

До учебного корпуса оставалось не больше сотни метров, когда по луже рядом со мной прошла машина. Вода подня-

лась грязной стеной и окатила мои брюки до колен. Из открытого окна высунулась голова Дирка Кроссмана, капитана университетской команды по регби.

— Доброе утро, лузер!

Салон взорвался смехом, машина уехала, а я остался посреди дорожки с мокрыми штанинами и знакомым комком в горле.

Я привык, говорил я себе. В школе было хуже. И началось все не из-за очков, жилета или моей привычки отвечать первым.

Весной выпускного класса Чарли по ошибке отправил в общий учебный чат файл с ответами к итоговым экзаменам. Когда администрация обнаружила утечку, Кларк потребовал, чтобы я назвал файл сборником тренировочных заданий. Я отказался лгать и показал переписку.

Экзамены девяти учеников аннулировали. Чарли потерял предварительный спортивный грант, школьную команду сняли с финального матча, а Кларк благодаря отцу отделался коротким отстранением.

Уже на следующий день все повторяли его версию: ботаник Шелтон донес из зависти, чтобы убрать соперников и стать лучшим выпускником. К осени эта история приехала в Хадсон-Хилл вместе с половиной нашего класса.

По сравнению с этим грязная вода была ерундой.

Фраза «я привык» работала лучше любой брони. Стоило произнести ее мысленно, и можно было не признавать, что

каждый раз больно по-новому.

В портфеле лежали запасные брюки. Я давно носил с собой сменную одежду, влажные салфетки, запасную ручку, резервную копию заданий и таблетки от головной боли. Люди называли это занудством. Я называл подготовкой к жизни среди идиотов.

У входа в корпус меня перехватил Кларк Куинси. Он оперся плечом о колонну, словно специально ждал, и лениво протянул руку.

— Домашка по философии.

За его спиной стояли Роб Митчелл и Чарли Барнс. Чарли учился со мной еще в школе и сохранил ко мне почти трогательную преданность.

Его предварительный спортивный грант исчез после аннулированного экзамена, и с тех пор он смотрел на меня так, будто я лично вычеркнул его фамилию из письма университета.

— Я не делал вторую копию, — ответил я.

Это была ложь. Вторая копия лежала в боковом отделении портфеля.

Кларк улыбнулся и толкнул меня в плечо. Не сильно, ровно настолько, чтобы показать, кто здесь решает.

— Тогда отдашь свою.

Его отец входил в попечительский совет университета и финансировал новый спортивный центр. Все об этом знали. Официально деньги Куинси не давали Кларку никаких при-

вилегий.

Неофициально жалобы на него имели странную привычку теряться, а преподаватели — внезапно менять решения.

Я достал распечатку и протянул ему.

— Хороший мальчик, — сказал он.

Роб засмеялся. Чарли выхватил листы, и компания ушла в аудиторию. Я остался возле лестницы, ненавидя их, себя и собственную руку, которая даже не дрогнула, когда отдавала работу.

В туалете на первом этаже никого не было. Я закрылся в кабинке и начал переодеваться. Мокрые брюки прилипали к ногам, поэтому пришлось повозиться. Я уже натянул сухие штаны до колен, когда замок резко щелкнул, дверь приоткрылась и в лицо ударила вспышка.

— Эй!

Я успел поднять руку, но человек за дверью уже исчез. В коридоре хлопнула дверь туалета.

Несколько секунд я стоял неподвижно, прижимая брюки к бедрам. Сердце колотилось так, будто меня поймали на преступлении. Потом я закрыл кабинку, оделся и вышел. В помещении никого не было.

Можно было пойти к охране. Можно было сообщить куратору. Можно было хотя бы написать Тому, чтобы он посмотрел, кто крутился возле корпуса. Я не сделал ничего.

Опоздание на семинар казалось более реальной проблемой, чем снимок, судьба которого пока была неизвестна.

Через сорок минут я понял, что ошибся.

Профессор Симмонс закончил лекцию раньше, и мы вышли в коридор вместе с остальными. Сначала я услышал смех. Потом увидел цветные листовки на стенах, дверях и даже на информационном стенде рядом с деканатом.

На фотографии я стоял в одних боксерах, с перекошенными очками и брюками в руках. На груди были видны ласточки, на животе — большая бабочка.

Над снимком жирными буквами напечатали: «СТУКАЧ ШЕЛТОН И ЕГО ПИТОМЦЫ».

Вокруг меня стало слишком много воздуха и одновременно нечем было дышать.

— Мистер Шелтон?

Я обернулся. Рядом стояла миссис Рид, заместитель декана по работе со студентами. В руках она держала одну из листовок, и ее лицо было серьезным.

— Пройдите со мной, пожалуйста.

В кабинете она закрыла дверь и положила фотографию на стол изображением вниз.

— Это нарушение правил университета и вашей частной жизни. Служба безопасности уже снимает листовки и запросила записи с камер. Вы видели того, кто сделал снимок?

— Нет.

— Есть люди, которых вы подозреваете?

Я посмотрел на папку с эмблемой Хадсон-Хилла. Можно было назвать Кларка, Роба, Чарли, Дирка — половину кур-

са. Можно было рассказать о домашних заданиях, толчках и испорченной машине.

Но в школе я уже однажды сказал правду людям, которые обещали разобраться. Взрослые наказали тех, кто списывал. Кларк наказал меня за то, что я не солгал.

Если расследование ничего не докажет, станет только хуже. Они не просто продолжают. Они будут знать, что я снова пожаловался.

— Нет, — повторил я. — Наверное, это была глупая шутка.

Миссис Рид нахмурилась.

— Глупая шутка не заставляет человека бояться назвать имена.

Я промолчал.

— Мы продолжим проверку независимо от заявления, — сказала она мягче. — Но без вашего сотрудничества нам будет сложнее.

— Мне нужно на следующую пару.

Она задержала на мне взгляд, затем кивнула. Я вышел из кабинета и только тогда заметил, как сильно сжимаю ремень портфеля.

До обеда я держался. Отвечал на вопросы, записывал лекции, делал вид, что не вижу телефоны, направленные в мою сторону. В столовой стало тяжелее. Снимок уже разлетелся по студенческим чатам, а удаленные листовки только добавили ему популярности.

Я купил гамбургер и газировку и направился к столику в дальнем углу. Его называли столом для неудачников не потому, что университет официально поделил нас на категории.

На первой неделе Кларк громко объявил, что любой, кто сядет рядом со «стукачом Шелтоном», автоматически выбирает его сторону. Большинство студентов понятия не имели, что произошло в школе, но им хватило интонации Кларка.

Шутка прижилась. Стол всегда оставался свободным.

Сегодня за ним сидела девушка.

Она медленно ела салат и просматривала расписание на телефоне. Светлые волнистые волосы падали ей на лицо, и она раздраженно убирала их за ухо. На соседнем стуле лежала новая сумка с еще не снятой биркой университета.

Я остановился напротив.

— Вообще-то, это мой столик.

Девушка вздрогнула и подняла голову. У нее были светло-голубые глаза и такое растерянное выражение, что я сразу почувствовал себя грубым.

— Прости. Здесь нельзя сидеть?

— Можно. Просто обычно никто не хочет.

Я поставил поднос и сел. Она несколько секунд смотрела на меня, потом протянула руку.

— Кайлин Марлоу. Можно Кай.

— Даниэль Шелтон.

Ее ладонь была теплой. Я отпустил ее слишком быстро, испугавшись, что она заметит, как мне непривычно обычное

человеческое приветствие.

— Ты новенькая? — спросил я.

— Перевелась на первый курс. Звучит странно, учитывая, что семестр только начался, но документы задержали из-за переезда.

Она говорила спокойно, однако взгляд то и дело возвращался к соседним столам. Там уже начали шептаться.

— Тогда предупрежу сразу, — сказал я. — Если не хочешь испортить себе репутацию в первый день, лучше пересядь.

— Почему?

— Потому что это место рядом со мной.

Кайлин нахмурилась.

— И что?

— Весь университет считает меня лузером.

— Весь университет за три недели успел провести голосование?

Я невольно усмехнулся.

— Здесь все происходит быстро.

Она посмотрела на меня внимательнее, и я понял, что она узнала меня с фотографии. Щеки девушки слегка порозовели.

— Я видела листовки, — призналась она. — Это ужасно.

Я открыл упаковку с гамбургером, делая вид, что мне все равно.

— Бывало хуже.

— Это не делает случившееся нормальным.

Я поднял глаза. Обычно люди либо смеялись, либо слишком старательно изображали сочувствие, в котором слышалась жалость. В голосе Кайлин была злость. Не на меня — за меня. Такое различие оказалось неожиданно важным.

— Администрация разбирается, — сказал я.

— Ты знаешь, кто это сделал?

— Нет.

Она чуть склонила голову, словно поняла, что я лгу, но не стала давить.

— Татуировки красивые, — произнесла она после паузы и тут же смутилась. — Я не специально рассматривала. Просто снимок был везде, и... В общем, ласточки мне понравились.

Я рассмеялся. Не громко, но по-настоящему. Она закрыла лицо ладонью.

— Пожалуйста, забудь, что я это сказала.

— Поздно. Это лучший комплимент, который я слышал за последние несколько лет.

Звонок на следующую пару раздался слишком быстро. Кайлин собрала вещи и встала.

— У меня введение в политологию в корпусе Б. Ты не знаешь, где аудитория двести четырнадцать?

— Знаю. У меня занятие этажом выше.

— Покажешь дорогу?

Я кивнул, хотя моя лекция была в другом конце кампуса. Мы вышли из столовой вместе. Сзади кто-то свистнул, за-

тем послышался голос Кларка:

— Шелтон, уже нашел себе спасательницу?

Кайлин остановилась. Я почувствовал, как внутри все сжалось.

— Не надо, — тихо сказал я.

Но она повернулась.

— А ты уже нашел человека, который будет делать за тебя домашнюю работу до конца семестра?

Несколько студентов засмеялись. Лицо Кларка изменилось лишь на секунду, но я заметил. Он не привык, что ему отвечают.

— Осторожнее, новенькая, — произнес он.

— Спасибо за заботу.

Кайлин взяла меня под локоть и повела к выходу. Только за дверями столовой отпустила.

— Почему ты ничего не сказал?

— Потому что он ждал именно этого.

— Он ждал, что ты позволишь ему унижать себя?

— Он ждал реакции. Если я отвечу, станет хуже.

— А сейчас не хуже?

Я поправил очки.

— Я привык.

Кайлин резко остановилась.

— Нельзя привыкнуть к тому, что тебя ломают. Можно только научиться делать вид, что не больно.

Ее слова попали слишком точно. Я отвернулся и показал

на лестницу.

— Твоя аудитория там.

Она несколько секунд молчала, потом кивнула.

— Увидимся после занятий?

Вопрос прозвучал так буднично, будто мы были знакомы давно. Будто она действительно собиралась увидеть меня снова.

— Да, — ответил я быстрее, чем успел подумать. — У главного входа в четыре.

Весь остаток дня я ожидал, что она не придет.

В четыре я стоял под навесом возле корпуса и наблюдал, как студенты расходятся по кампусу. Кайлин появилась через семь минут. Она шла вместе с двумя девушками, но, заметив меня, попрощалась с ними и подбежала.

— Прости, преподаватель задержал.

— Я только пришел.

Она улыбнулась, явно не поверив. Мы направились к общежитиям. Дождь окончательно прекратился, и между облаками показалась тонкая полоска света.

— Почему ты перевелась? — спросил я.

— Отцу предложили работу. Мы последние два года жили в Питтсбурге — это был наш рекорд. Я успела устроиться в кофейню, подружиться с людьми, впервые почувствовать, что у меня есть нормальная жизнь. Потом родители объявили о переезде так, будто сообщали время ужина.

— Ты могла остаться?

— Формально я совершеннолетняя. Фактически они оплачивают обучение и жилье. Моя свобода заканчивается там, где начинается счет за семестр.

Я кивнул. Это было знакомо. Отец почти не участвовал в моей жизни, но его карта лежала в кошельке, а фамилия открывала двери, к которым я не хотел подходить.

— Мои родители тоже оплачивают университет, — сказал я. — Мама живет неподалеку. Отец — в Лондоне, потом в Лос-Анджелесе, потом еще где-нибудь. Он компенсирует отсутствие подарками.

— Поэтому машина?

Я удивленно посмотрел на нее.

— Видела ключи в портфеле, когда ты доставал ручку. Я наблюдательная, а не преследовательница.

— Машина стоит у мамы. В первый день ее испортили.

— И ты после этого решил ходить пешком, чтобы никто не заметил, что у тебя есть что-то хорошее?

— Звучит глупо, когда ты говоришь вслух.

— Звучит грустно.

Мы дошли до развилки между мужским и женским общением. Кайлин остановилась.

— Завтра сядем вместе на обеде?

— После сегодняшнего тебе могут предложить место за любым столом.

— Я не спрашивала про любой.

Она помахала мне и ушла. Я смотрел ей вслед, пока она

не скрылась за дверями корпуса.

В комнате Том сидел на кровати с ноутбуком. Он поднял голову, заметил мою улыбку и присвистнул.

— Что случилось со Шелтоном? Тебе поставили высший балл за семестр заранее?

— Просто хороший день.

— У тебя утром была полуголая фотография на каждой стене.

Улыбка исчезла.

— Значит, не весь день.

Я сел за стол и открыл учебник, но не смог прочитать ни одной строчки. Перед глазами появлялись светлые волосы, голубые глаза и девушка, которая сказала: «Я не спрашивала про любой».

У меня не было причин ей верить. Люди редко оставались рядом со мной дольше, чем им было удобно.

Но впервые за долгое время мне очень хотелось ошибиться.

ДАНИЭЛЬ

— ◆ —

Кайлин не исчезла на следующий день. И через день тоже. Первую неделю я ждал подвоха. Каждый раз, когда она садилась напротив меня в столовой, я искал взглядом телефон, спрятанный в сумке, или компанию людей, которые вот-вот выскочат из-за колонны и начнут смеяться.

Ничего не происходило. Кайлин ела, жаловалась на преподавателей, путалась в названиях корпусов и злилась, когда я отдавал Кларку конспекты.

На второй неделе она перестала спрашивать, можно ли брать картошку с моего подноса. На третьей начала оставлять у меня свои учебники, потому что ее сумка была «создана для красоты, а не для пяти килограммов политической теории».

К концу сентября мы уже знали расписания друг друга лучше собственных.

Я по-прежнему сидел за дальним столом, но теперь он перестал быть пустым. Иногда к нам присоединялись Виктория, Карен и Джуди — девушки, с которыми Кайлин познакомилась на лекциях.

Сначала они разговаривали только с ней, потом начали спрашивать у меня о заданиях, а однажды Вик принесла мне кофе, не добавив в этот жест ни жалости, ни скрытого смысла.

Это было непривычно. Еще более непривычным было то, насколько быстро я начал ждать этих обедов.

— Ты опять сделал за него работу? — спросила Кайлин, когда Кларк вырвал у меня из рук распечатку по философии.

Он ушел, даже не поблагодарив, а я сел и открыл бутылку воды.

— Я сделал запасную копию.

— Это не ответ.

— Зато практично.

Кайлин смотрела так, будто собиралась прожечь во мне дыру.

— Миссис Рид снова вызывала тебя?

— Вчера.

— И?

— Камеры показали, что в туалет заходили трое. Лица не видно. Они хотят официальное заявление.

— Ты его написал?

Я сделал глоток воды.

— Даниэль.

— Нет.

Она отложила вилку.

— Почему?

— Потому что расследование не превратит их в нормальных людей. Зато они узнают, что я пожаловался.

— Они уже фотографируют тебя в туалете и развешивают снимки по корпусу. Что именно, по-твоему, может стать хуже?

Я почувствовал, как несколько человек за соседним столом прислушались. Голос Кайлин был не громким, но ее злость всегда занимала больше пространства, чем позволяла громкость.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я пытаюсь понять, почему ты защищаешь тех, кто причиняет тебе вред.

— Я никого не защищаю.

— Тогда защити себя.

Я резко встал. Стул скрипнул по полу.

— У тебя все просто, да? Подойти, ответить, написать заявление, начать новую жизнь. Ты здесь без году неделя. Ты не знаешь, как это работает.

Кайлин побледнела, но не отвела взгляд.

— Возможно. Зато я знаю, что фраза «я привык» не делает тебя неуязвимым.

Я ушел, оставив нетронутый обед на столе.

Весь день я злился на нее. На семинаре отвечал резче обычного, в библиотеке дважды перечитал одну страницу и ничего не понял, а вечером обнаружил Кайлин возле двери своей комнаты. Она сидела на полу, прислонившись к стене, и держала коробку пиццы.

— Том впустил меня в общежитие и сказал, что ты скоро вернешься, — произнесла она. — Я хотела уйти, но тогда пришлось бы съесть все самой, а это опасно для общества.

— Ты не обязана извиняться.

— А я и не собиралась. Ты вел себя как придурок.

Я впервые за день улыбнулся.

— Заходи.

Тома не было. Кайлин устроилась на моей кровати, поджав ноги, а я сел за стол. Несколько минут мы ели в тишине.

— Я не имею права заставлять тебя писать заявление, — сказала она наконец. — Но мне трудно смотреть, как ты де-

лаешь вид, что все нормально.

— Ничего не нормально.

Признание вырвалось раньше, чем я успел остановиться.

Кайлин не стала торжествовать. Просто взяла еще один кусок пиццы и ждала.

— В выпускном классе я уже говорил правду администрации, — продолжил я. — Не потому, что хотел кого-то сдать. Они сами нашли следы утечки и вызвали меня, потому что файл пришел в чат, который я администрировал.

Я рассказал ей, как Чарли случайно отправил ответы и удалил сообщение через минуту. Как Кларк пришел ко мне вечером и потребовал подтвердить, что это были старые тренировочные задания. Как пообещал, что после моего отказа никто больше не сядет рядом.

— У администрации уже были журналы загрузок, — сказал я. — Я мог только соврать или подтвердить то, что видел. Но после расследования Чарли потерял грант, команду сняли с финала, а я стал человеком, который якобы сломал им будущее.

— Они сами списывали.

— Это никого не интересовало. Кларк сказал, что я сделал все ради места лучшего выпускника. Я действительно получил его после аннулирования их оценок. Ложь оказалась удобнее правды.

Я провел пальцем по краю коробки.

— Через неделю со мной перестали разговаривать даже

те, кого не было в том чате. Потом начались подножки, испорченные вещи и история с девушкой. Поэтому я знаю, что бывает после официальной жалобы.

— Ты не лишал Чарли гранта. Он лишился его, когда решил списывать.

— Попробуй объяснить это человеку, который потерял все и каждый день видит твое лицо.

— Это было другое место.

— Люди везде одинаковые.

— Нет. Иногда одинаково ведут себя только те, кому никто не мешает.

Я посмотрел на нее. Кайлин говорила уверенно, но в пальцах нервно мялась салфетка.

— Почему тебе так важно меня спасти?

Она замерла.

— Я не спасаю тебя.

— Ты сидишь у моей комнаты с пиццей после того, как я нагрубил тебе. Каждый день споришь с Кларком. Пришла со мной к миссис Рид, хотя тебя никто не просил. Это похоже на спасательную операцию.

Кайлин опустила взгляд.

— Мы много переезжали. В каждом новом городе я пыталась как можно быстрее стать нужной. Помогала с учебой, соглашалась на любую подработку, устраивала праздники, слушала чужие проблемы. Мне казалось, если от меня будет польза, люди не смогут просто забыть обо мне, когда мы

уедем.

— Получалось?

— Нет. Но привычка осталась.

Она улыбнулась, однако улыбка вышла грустной.

— В Питтсбурге мы прожили почти два года. У меня впервые появились настоящие друзья. И работа, которую я любила. Я думала, родители наконец остановились. Потом все повторилось.

Я пересел на кровать рядом с ней.

— Ты не обязана быть полезной, чтобы я хотел проводить с тобой время.

Кайлин повернулась ко мне. Между нашими лицами осталось совсем мало пространства. Я видел светлые ресницы, едва заметную родинку возле виска и крошечное пятно томатного соуса у уголка губ.

На секунду мне захотелось стереть его пальцем.

Я отодвинулся первым.

— Но заявление все равно не напишу.

Она закатила глаза.

— Упрямый.

— Навязчивая.

— Зануда.

— Спасательница.

Кайлин пихнула меня плечом, и мы оба рассмеялись. Потом готовились к семинару до полуночи, спорили о фильмах и выяснили, что одинаково ненавидим изюм. В тот вечер мы

не обсуждали мою одежду, Кларка или Милену.

Мы просто сидели на полу между кроватями, ели холодную пищу и смеялись так громко, что Том, вернувшись, попросил нас либо замолчать, либо поделиться.

Это был первый вечер, когда рядом с Кайлин я почувствовал себя не проектом и не жертвой. Просто человеком, который ей нравился.

По крайней мере, как друг.

Через несколько дней профессор Симмонс вызвал меня к доске. Кларк за десять минут до начала отобрал мою работу и был уверен, что оставил меня без ответа. Я пересказал материал по памяти, получил высший балл и сел под его тяжелым взглядом.

— Мистер Куинси, — произнес Симмонс. — Раз уж вы так активно обсуждали ответ мистера Шелтона, возможно, дополните его?

Кларк покраснел.

— Нет, сэр.

— Тогда советую в следующий раз заниматься своей работой.

По аудитории прокатился смешок. Кларк ничего не сделал при преподавателе. Он дождался конца пары и прижал меня к стене в пустом коридоре.

— Еще раз выставишь меня идиотом — пожалеешь.

— Я просто ответил на вопрос.

— Ты понял.

Он отпустил меня, когда в конце коридора появилась Кайлин. Она ускорила шаг, но Кларк уже ушел.

— Что он хотел?

— Напомнить, что университет вращается вокруг него.

— И ты опять скажешь, что привык?

— Нет. Скажу, что устал.

Кайлин остановилась, и на ее лице появилось то самое выражение — будто мысль уже сформировалась, а мне следовало опасаться ее последствий.

— Я знаю человека, который может помочь.

— Полиция?

— Тренер.

— Еще хуже.

Она засмеялась и потянула меня за рукав к лестнице.

В столовой Милена Джонс сидела вместе с Кларком и его компанией. Я заметил ее сразу, как всегда. Черные волосы сегодня были собраны в высокий хвост, и она слушала Элси Уилсон, улыбаясь так, что на щеке появлялась ямочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.